

Отзыв

официального оппонента доктора филологических наук

Игоря Сергеевича Урюпина о диссертации

Елены Юрьевны Кнорре

«Сюжет “пути в Невидимый град” в творчестве М. М. Пришвина 1900-1930-х гг.» (Москва: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2019), представленной на

соискание ученой степени

кандидата филологических наук по специальности

10.01.01 – Русская литература

Феномен М. М. Пришвина в русской литературе и – шире – русской культуре XX века еще до конца не разгадан. Творческое наследие писателя, художественное и документально-дневниковое, не знакомое в полном объеме советскому читателю, на протяжении десятилетий пребывавшее потаенно, сокровенно, недоступно для изучения, лишь в последнее десятилетие обретает известность и вызывает пристальный интерес у ученых самых разных гуманитарных (и не только) специальностей. Происходит по сути возвращение М. М. Пришвина в отечественное духовно-интеллектуальное пространство, которое обретает полноту и органичную целостность. Еще Г. Д. Гачев заметил, что «никто так не населил живыми существами-смыслами русский Космо-Психо-Логос, как Пришвин»¹, и эти «живые смыслы» прозрений, наблюдений, откровений художника и философа оказываются в эпицентре исследовательского внимания.

Религиозно-философский, поэтико-онтологический ракурс изучения творчества М. М. Пришвина, утвердившийся в современном литературоведении во многом благодаря трудам ученых ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, прежде всего С. Г. Семеновой, стал одним из приоритетных и продуктивных в филологической науке. На сегодняшний день очерчен круг проблем, волновав-

¹ Гачев Г. Д. Пришвин // Гачев Г. Д. Русская дума: Портреты русских мыслителей. – М.: Новости, 1991. – С. 99.

ших М. М. Пришвина на протяжении всего творческого пути, которые разрабатывались писателем в непрерывном эксплицитно-имплицитном диалоге с мыслителями Серебряного века, русского религиозно-философского Возрождения, оказавшего на художника колоссальное мировоззренческое влияние. Уже много лет Елена Юрьевна Кнорре (Константинова) изучает это влияние на М. М. Пришвина, вписывая творчество писателя в сложнейший историко-культурный, духовно-метафизический контекст эпохи. Результатом научных изысканий исследователя, заслужившего авторитет в пришвиноведении, стала представленная диссертация, в которой на материале разножанровых произведений писателя 1900–1930-х годов впервые в литературоведении системно проанализирован магистральный для художественного, документально-публицистического творчества М. М. Пришвина сюжет о «пути в Невидимый град», аккумулирующий разнообразные топосы, мифологемы, идеологемы, архетипы и константы, связанные с поиском нравственного Абсолюта, остающегося, несмотря на его «внезаходимость», духовным ориентиром для человечества.

Соискателем обнаружен идейно-философский нерв всей пришвинской прозы, тот самый универсальный мотивно-образный комплекс, который интегрирует в единый метатекст писателя его заветные размышления о мире и человеке на протяжении десятилетий. Мощнейшее духовно-силовое поле религиозного Ренессанса в России на рубеже XIX–XX веков, определившее жизнетворческие стратегии М. М. Пришвина, в исследовании Е. Ю. Кнорре рассматривается как главный источник и эстетический ресурс художественной образности писателя, восходящей к мистическим прозрениям Платона и Аврелия Августина о Граде Божием и Граде земном в их русской философской рецепции, конденсировавшейся в трудах В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Д. С. Мережковского, А. А. Мейера, В. В. Розанова и др. «Путь от марксизма к идеализму», который прошли отечественные философы-богоискатели начала XX столетия, в полной мере был характерен и для

М. М. Пришвина. Его поворот «от революции к себе» стал, по верному замечанию диссертанта, «поиском социальной справедливости», «поиском внутреннего, духовного пути преодоления “греха”» [с. 52], который проходит автобиографический герой писателя от ранних очерков и рассказов до романов и эпического дневника.

Диалектика земного и небесного, природного и социального, выявляемая Е. Ю. Кнорре, становится фундаментальной основой художественного мира М. М. Пришвина, определяет его «всеединство», уже отмеченное представителями елецкой пришвиноведческой школы, но принципиально уточненное соискателем, обратившем внимание на духовно-мистический аспект образа «Невидимого града» как воплощения «завесы бытия», отделяющей / разделяющей микро- и макрокосм, церковь и мир, Богочеловека и Богочеловечество как идеальную общность, еще не осуществленную в реальности, но пребывающую в «вечном проекте». Отсюда те самые вагнерианские аллюзии и реминисценции, актуализированные исследователем, которые позволяют обнаружить в философско-художественных поисках М. М. Пришвина диаметрально противоположные интенции, примиряющие сюжеты о Парсифале и Зигфриде как центробежные и центростремительные силы, исходящие из одного ядра – «Невидимого града».

Е. Ю. Кнорре рассматривает все возможные семантические варианты и вариации образа «Невидимого града», представляя его многомерность и всеобъемлемость в бесконечном пространственно-временном континууме. «Невидимый град», как убедительно показывает диссертант, в творчестве М. М. Пришвина предстает в различных сакральных и профанных ипостасях от богословских представлений о «Невидимой Церкви», «граде Вышнем», «Царстве Божиим», «земле обетованной» до вообще всякой «невидимой земли», до поры скрытой «тыловой завесой» войн, революций, человеческих нестроений, являющихся следствием «разделенности и раздробленности в сознании людей, не видящих мира как целого» [с. 109].

Национальным символом неосквернимого духовного идеала, к постижению которого обратился М. М. Пришвин сначала в этнографических очерках и заметках, а затем в дневниках, повестях и романах 1920–1930-х годов, становится град Китеж. Е. Ю. Кнорре, изучив семантический потенциал китежского мифа, его генезис и историко-культурную парадигматику, впервые в литературоведении попыталась вписать творчество М. М. Пришвина в «китежский текст» русской литературы и философии, обнаружив интереснейшие смысловые параллели с художественными произведениями А. А. Блока, Н. А. Клюева, С. А. Есенина и др., с этико-эстетическими прозрениями христианских персоналистов и космистов С. Н. Дурылина, А. А. Ухтомского, В. Н. Муравьева, А. К. Горского, Н. А. Сетницкого и др. «Китежская» партитура пришвинского метатекста рассматривается соискателем в динамике жизненно-мировоззренческих исканий художника.

На разных этапах творческой биографии М. М. Пришвина диссертант обнаруживает различные идейные доминанты в осмыслении «китежской» темы: так если в дореволюционный период художника волновал религиозно-нравственный аспект поиска индивидуально-личностного пути к Абсолюту, то в эпоху революции писатель «ищет путь в идеальный мир братства» [с. 144] в духе социального христианства / христианского социализма. Через призму евангельского текста, проецируя на свой художественный alter ego образы блудного сына, благородного разбойника (сюда в полной мере можно добавить и другие библейские образы, например, Адама), М. М. Пришвин развивает сюжетную корреляцию «грехопадение – покаяние», «умирание – воскрешение» [с. 148], очень важную в контексте духовных и общественно-политических исканий автобиографического героя и самого автора. В дневниках М. М. Пришвина времен Гражданской войны социальная проблематика преподносится в апокалиптическом ореоле, в котором писателю видится земной град, «обреченный на гибель».

В этой связи очень важным представляется наблюдение Е. Ю. Кнорре о Петербурге как воплощении Града земного, неорганичной цивилизации, «граде на болотах, двойнике истинного града Невидимого, сокрытого по грехам от человека» [с. 117]: «сюжет пути из города, построенного путем насилия (Петербург) в град Китеж, путь в который открывается покаянием» [с. 145], и составляет суть социально-философской концепции М. М. Пришвина.

Проблема построения / обретения в земной реальности справедливого, природно-органичного общественного устройства, на протяжении всей жизни волновавшая художника, получила в диссертации новый ракурс осмысления. Е. Ю. Кнорре обратилась к идеям русских философов-«китежан», очень близким по мироощущению М. М. Пришвину, пытавшимся обнаружить «новые отношения человека с космосом и социальным миром» [с. 196]. Противопоставляя аскетически-исповедальный путь «объединения “я” с “другими”» «внерелигиозному пути социальных преобразований, создающему особый тип государства, утопический идеал которого представлен в романе Замятина “Мы”» [с. 185], соискатель, как нам представляется, не совсем прав: во-первых, в романе Е. И. Замятина представлен отнюдь не утопический идеал, а его полная противоположность, явившаяся результатом нивелировки личности и ее порабощения тотальному, безликому «мы»; а во-вторых, персоналист М. М. Пришвин сам искал гармоничного соотношения “я” и “мы”, примирения религиозного и внерелигиозного начал в социально-государственных отношениях. Автор диссертации убедительно доказывает это, подкрепляя свой идейный аргумент анализом художественных произведений писателя, в частности рассказа «Этажи леса»: «мир с другими и определяется как высший этаж леса, где ”я” – коммунист, открывающий невидимый град как коммуну, единение многих “я” в Боге» [с. 200]. Более того, «за понятиями “коммунист”», утверждает Е. Ю. Кнорре, «скрываются все те же смыслы: о поиске идеальной общности людей и существ в природе, идеи всечеловеческого братства» [с. 224].

В чрезвычайно ёмкой по своему интеллектуальному содержанию обсуждаемой диссертации, включающей, помимо основного научного вектора, немало интереснейших наблюдений и весьма значимых суждений, которые могут быть развернуты в отдельные исследования, содержится указание на лейтмотив всего творчестве М. М. Пришвина, восходящий к заветным идеям Н. Ф. Федорова о братстве и родстве всего сущего, о «немирном состоянии мира» и средствах к его восстановлению. В дневниках и публицистике периода Первой мировой войны и революции писатель размышляет о способах преодоления вселенского раздора, который неминуемо приведет к вселенской трагедии. Е. Ю. Кнорре последовательно и системно анализирует идею «родства человека и вселенной» в художественно-философском дискурсе М. М. Пришвина, обнаруживая, как эволюционирует сюжет о Невидимом граде, становящемся истинным «градом братства» [с. 245]. На материале романа «Журавлиная родина», повести «Жень-шень» исследователь показывает, как герой «выбирает родство со всеми» [с. 237], осознает «свою родственную связь с миром живых существ» [с. 239].

Конкретно-текстуальный разбор произведений М. М. Пришвина, представленный в диссертации, убеждает в правоте теоретических построений Е. Ю. Кнорре, не вызывающих никаких сомнений и возражений. Однако доминирование идейного анализа над собственно художественным является одновременно и достоинством, и недостатком работы. Впрочем, междисциплинарный характер представленного исследования и не может быть иным. Все задачи, поставленные автором диссертации, убедительно решены, цель достигнута. Автореферат и публикации Е. Ю. Кнорре всесторонне отражают основное содержание работы.

Являя собой завершённый научно-исследовательский труд, отличающийся актуальностью, научной новизной, достоверностью полученных результатов, диссертация «Сюжет “пути в Невидимый град” в творчестве М. М. Пришвина 1900-1930-х гг.» соответствует требованиям ВАК к исследованиям подобного

типа, установленным пунктами 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 30.07.2014), а ее автор, Елена Юрьевна Кнорре, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков Института филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет

Игорь Сергеевич Урюпин

Адрес университета:

119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1

fil@mpgu.su

+7 (499) 246-57-12

Is.uryupin@mpgu.sdu

+7 (985) 065-92-97

Официальный профиль рецензента в РИНЦ:

http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=457996&pubrole=100&show_refs

=1

